

Солженицын А. И.
85 летие писателя

11.12.03

НГ Ex libris (пред. к Независимой). - 2003. - 11 дек. - с. 1

Миф и подвиг

Александру Солженицыну 85 лет

Сергей Шаргунов

Бывают случаи, когда персона автора окончательно слиивается с созданным им литературным произведением. Если нам говорят: «Данте» — мы отвечаем: «Божественная комедия», не задумываясь о том, что перу неприкаянного итальянца принадлежит добрая тысяча философских сонетов. Солженицыну повезло еще больше — в сознании массового человека он слился не только с «Архипелагом ГУЛАГом», но и с самим советским экспериментом по выведению новой породы счастливых, социально сознательных граждан. В границах этого слияния возможны (и существуют) представления о Солженицыне, как о писателе № 1, с появлением которого писать по-старому уже нельзя, с одной стороны, и как о первом советском правозащитнике, чья великая книга поставила на СССР толстую типографскую точку.

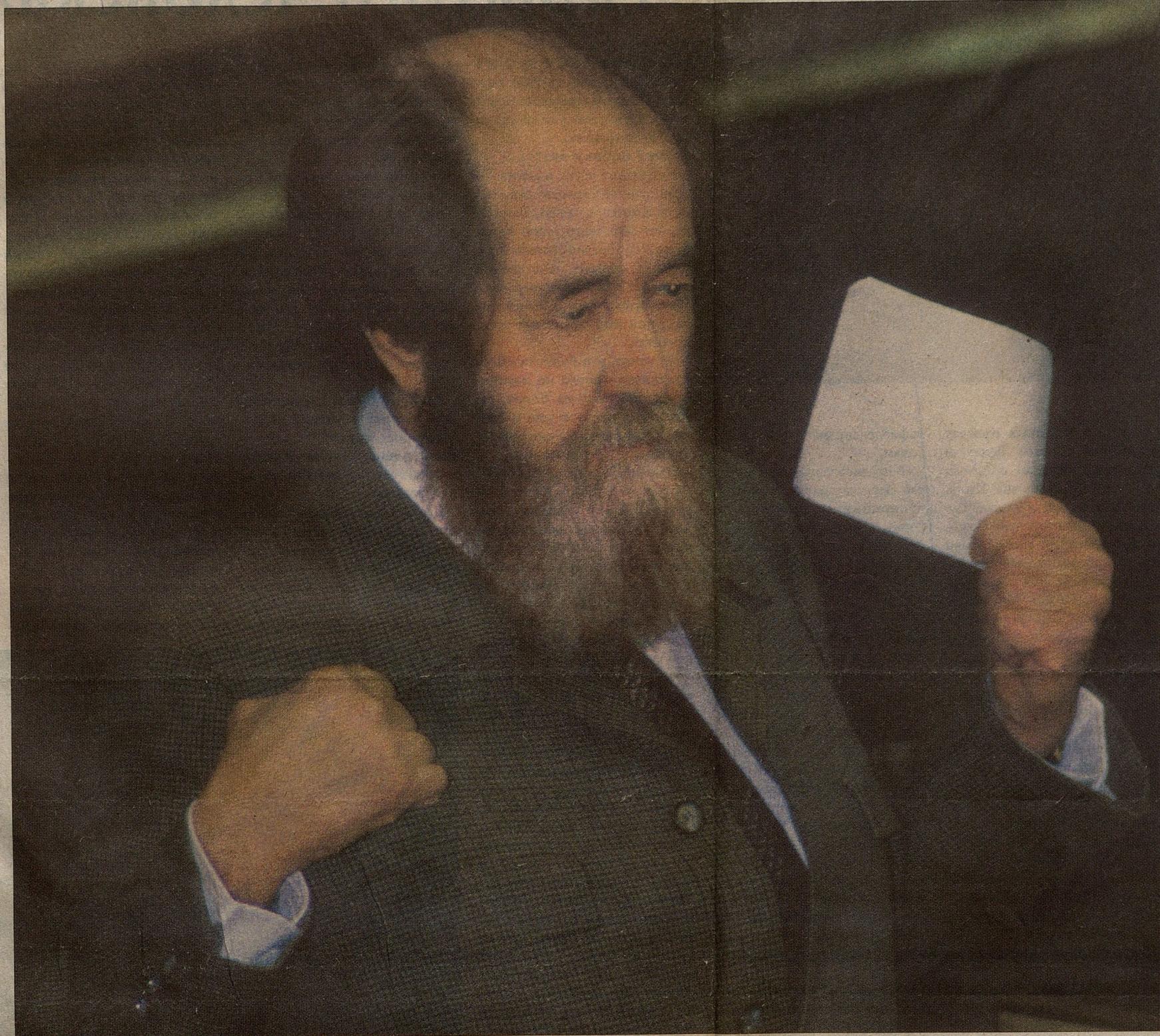
Мифы выявляют потребность собственного опровержения, и мифы о Солженицыне в особенности, потому как вся следующая за «ГУЛАГом» деятельность писателя успела народить целую кучу маленьких мифчиков. Известный эпизод в «Новом мире»: Твардовский с расширенными глазами убеждает Александра Исаевича изменить в «Иване Денисовиче» все «х», на «ф» и особенно подумать над лагерным «смехуечки». Солженицын отказывается со свойственной человеку-эпохи категоричностью, а Твардовский сотрясает коридор:

— Но ведь тогда вешь не пройдет!

— Я ждал признания тридцать лет, подожду еще! — услышав такой ответ, все дамы пали, а мужчины поскакали в курилку распространять: вы знаете, это что-то новое, тверд, как гвоздь, начинается!..

И, действительно, началось. Солженицын стал не просто известен, но знаменит в один день. Подтвердив всеобщие представления о «совести нации», он оказался еще и блестящим писателем! За «Одним днем Ивана Денисовича» последовали «Матренин двор», «Для пользы дела», но главное было впереди.

Сложность заключается в том, что говоря об «Архипелаге

Пророки всегда окружены мифами.

Фото Владимира Сварцевича (НГ-фото)

ГУЛАГе», мы должны держать в уме не литературный успех Солженицына, а, так сказать, своеобразие советского общества. Не надо забывать, что книга, рассуждавшая на тему четверть вековых сроков, заслужила бдительное внимание государственных органов — за ее чтение давали десять лет. В том, что сегодня она продаётся во всех магазинах, заслуга Александра Исаевича несомненна. Владимир Войнович

часто говорил о том, что Солженицын застал советскую власть врасплох. Он был известен главным образом тем, что его неутомимо притесняли, но тронуть не могли — западные радиостанции повторяли заветную фамилию с упорством попугая. Когда Александра Исаевича, наконец, арестовали, общество скандализировалось: «Все думали, теперь его просто убьют», — сообщает Войнович. Миф развивался, набирал

обороты, ведь, известно же: заметив Солженицина со свежей бородой, Твардовский испугался, что писатель собирается микрировать под помора и пересечь границу. Какие только фантазии не бродили в голове советского человека!

Бородатый, степенно рассуждающий о благости царя и пользе веры, писатель № 1 посыпался в Вермонте, а советская печать горячилась: дескать, «ГУ-

ЛАГ» был напечатан на деньги ЦРУ и читать его просто невозможно из-за чудовищных неологизмов автора. Это ложь. «Архипелаг ГУЛАГ» написан легким кружевом, эта одна из немногих книг XX века, которой стоит посвятить ночь.

Обвинения в адрес писателя вполне традиционны. Одни умаляют его художественный дар и представляют только лишь ярким общественным деятелем,

другие в разговорах не тему «Погода сошла с ума» сообщают: да, писатель-то неплохой, зачем только в политику лезет?

Главное — в большом.

В пути пусть личного, но движения. В твердости и совместности. В книгах, всегда звучащих как судейский вердикт. Одна из которых — исторически неизбежно — поставила на СССР толстую типографскую точку.